

противопоставляется редкому населению Тибета и Монголии. В Синьцзяне ясно видны густо населенные оазисы среди пустыни. Однако тот же эффект был бы достигнут, если бы плотность была обозначена не семью, а всего двумя ступенями. Тогда многие оттенки интенсивности можно было бы использовать для обозначения родственных народов.

Практически, даже имея привычку к чтению карт, рецензируемыми картами приходится пользоваться с карандашом в руках, постоянно сверяясь с легендой.

Картами в качестве учебного пособия, для демонстрации на лекциях и т. п. пользоваться не всегда удобно. Для этих целей нужны более обобщенные обозначения. Однако в качестве источника для составления более наглядных карт по отдельным странам или группам стран, по отдельным народам или группам народов рецензируемые карты представляют огромную ценность.

Г. Ф. Дебец

ПРОБЛЕМА СОБСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Вопрос об исторической преемственности коллективной и частной собственности на землю у остальных племен на стадии охотничье-собирательного хозяйства дискутируется на страницах американских этнографических изданий в течение почти сорока лет. Эта полемика — одно из проявлений реакции буржуазной науки, направленной внешне против учения Моргана о первобытности, по существу же — против материалистического разрешения проблемы собственности и связанного с этим учения о поступательной смене одних общественно-экономических формаций другими, развитого в трудах классиков марксизма. На основе научно достоверных фактов исторический материализм устанавливает, что одна формация отличается от другой формами собственности на средства производства. В основе первобытнообщинной формации, как известно, лежит коллективная собственность на средства производства, совместный труд и уравнительное распределение продуктов труда. «Этот первобытный тип коллективного или кооперативного производства, — подчеркивал К. Маркс, — был, разумеется, результатом слабости отдельной личности, а не обобществления средств производства»¹. Развивающиеся позднее из общинной первобытной собственности различные формы частной собственности определяют экономический строй последующих классовых формаций в истории человеческого общества. Отмена частной собственности и обобществление средств производства, достигших небывалого развития, характеризуют социализм как первый этап коммунистической формации.

Поэтому не случайно вопрос о собственности занимает в XX в. одно из центральных мест в борьбе буржуазной идеологии с марксизмом. Политическое значение этой проблемы совершенно открыто подчеркнуто известным этнографом и главой «культурно-исторической школы» патером В. Шмидтом, писавшим, что частная и коллективная собственность, как две противоположные формы собственности, особенно резко противостоят одна другой в наши дни, «обнажая социальный смысл научных теорий». Проблема собственности, писал он, «является одной из наиболее жгучих проблем современности. Можно с уверенностью сказать, что именно из-за нее весь нынешний мир, если еще не пылает, то во всяком случае горит внутренним огнем»². Этими вводными положениями к своей работе, специально посвященной вопросу о первоначальных формах собственности, В. Шмидт определил место исследований буржуазных ученых, посвященных этой проблеме.

Не случайно также вопрос о происхождении собственности всегда сводится в основном к формам собственности на землю, ибо на всех этапах человеческого общества земля была главным средством производства. Исчерпывающую характеристику значения земли (в широком экономическом смысле) как основного средства производства в первобытную эпоху дает К. Маркс в «Капитале»³.

Как справедливо отмечает в одной из своих работ, посвященных проблеме собственности в первобытном обществе, А. И. Першиц, идея развития частной собственности из прешествующей ей общественной собственности высказывалась в работах европейских философов и историков XVIII и XIX вв. Одни писали об этом в общем философском плане, другие развивали эту идею, привлекая конкретные этнографические и исторические материалы⁴. Но особенно убедительно коллективный характер

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVII, стр. 681.

² W. Schmidt, Das Eigentum auf den ältesten Stufen der Menschheit, Bd. 1, Das Eigentum in den Urkulturen, Münster in Westfalen, 1937, стр. 3.

³ К. Маркс, Капитал, т. I, 1950, стр. 186, 187.

⁴ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе, как основа периодизации его истории, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, нов. сер., т. LIV, стр. 152.

земельной собственности в родовой общине был показан в работе Л. Г. Моргана «Первобытное общество». Важное место в разработке этой проблемы занимают также исследования русского ученого М. Ковалевского, обратившие на себя внимание Ф. Энгельса. Однако исчерпывающее разрешение проблема собственности получила в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса.

Под воздействием трудов Моргана, Маркса и Энгельса, теория первобытного коллективизма, из которого позднее развиваются отношения частной собственности, приобретает во второй половине XIX в. господствующее положение даже в работах большинства буржуазных ученых. Она подтверждается множеством этнографических данных. Однако признание этой теории означало также признание преходящего характера частной собственности в ее различных формах и основанных на них общественно-экономических формаций, в том числе и буржуазной. Для многих буржуазных идеологов развитие этой теории означало — рубить сук, на котором сидишь. Поэтому реакция буржуазной науки против теории первобытного коллективизма, связывавшейся с именем Моргана, учением Маркса и Энгельса, была неизбежна. И она действительно начала активно проявляться уже в конце XIX в. в трудах европейских ученых Фюстель де Куланжа, видного представителя немецкого позитивизма 90-х гг., К. Лаппрехта, Кейслера, позднее Летурно, доказывавших вторичное происхождение общественной собственности на землю⁵. Но особенную остроту эта проблема получила в XX в. в работах занимавшихся этнографией католических патеров В. Шмидта, В. Колпенса и их последователей.

Среди американских этнографов прославил себя на этом поприще Френк Спек. Весьма характерную оценку значения его работ дают коллеги Ф. Спекса. Херскович, например, считает, что исследования Ф. Спекса среди индейцев Лабрадора «нанесли первый удар доктрине общинной собственности у племен охотников и собирателей»⁶. Ближайший соратник Спекса Лорен Айзелей следующим образом оценивает значение его трудов: «Только благодаря трудам таких людей, как д-р Ф. Спек и д-р Купер нам удалось избавиться от этой упрощенной догмы (первобытного коллективизма.— Ю. А.), которая долгое время ослепляла исследователей проблемы собственности на землю»⁷.

Ф. Спек начал публикацию своих исследований алгонкинских охотничьих племен Восточной Канады в 1915 г. До этого в американской этнографической литературе под влиянием работ Моргана и его последователей господствовала идея развития частной собственности из коллективной. Она нашла свое отражение в специальных исследованиях проблемы собственности ученых США У. Сигля и Р. Диксона⁸. В работах же Ф. Спекса впервые на американском материке стала доказываться теория изначальности частной собственности. На основе якобы установленных в полевым исследовании фактов Спек доказывал изначальность у охотничьих племен Лабрадора частной собственности на охотничьи участки и вторичное развитие из нее общинной собственности.

Хотя Спек и называл «открытую» им форму собственности «посемейной собственностью на охотничьи участки», однако из определяемых им пяти, так сказать «диагностических» черт этой собственности очевидно, что речь идет именно о частной собственности. Спек доказывает, что у алгонкинов Лабрадора «семейные» участки имеют четко установленные границы; нарушение этих границ было строго запрещено; наследовались они сыном; сознание собственности на участок было настолько определенным, что собственник мог свободно распоряжаться своим участком; семейные участки патрилинейны.

Патриархальная семья, таким образом, постулировалась как носительница прав на эту частную собственность⁹.

Спек не ограничился простым описанием устанавливаемой им частной собственности на уголья у алгонкинов, но попытался также объяснить ее происхождение, а вместе с нею и происхождение патриархальной семьи. Спек развивает идею возникновения частной собственности у алгонкинов в доколониционный период под влиянием условий естественной среды, т. е. в силу «экологического» фактора. Согласно его концепции, частная собственность на охотничьи участки возникает у охотничьих племен северо-востока Северной Америки не в силу экономических причин, а в силу экологии — характера местности и главным образом привычек животных (преимущественно бобров), составляющих основной объект охоты. Главный аргумент Спекса сводится к утверждению, что оседлые привычки пушных животных и недостаток их способствуют формированию частной собственности на охотничьи участки.

⁵ См. А. И. Першиц, Указ. раб., стр. 153.

⁶ M. H e r s k o v i t s, Economic Anthropology, New York, 1952, стр. 335.

⁷ L. E i s e l e y, Land tenure in the Northeast: a note on the history of a concept, «American Anthropologist», т. 49, 1947, № 4, стр. 681.

⁸ W. S e a g l e, The Quest for law, New York, 1941; R. D i x o n, Economic Institutions and Cultural change, New York, 1941.

⁹ F. S p e c k, Family hunting territories and social life of the various Algonkian bands of the Ottawa Valley, «Canadian Department of Mines, National Museum Anthropological Series», № 8, Ottawa, 1915.

Спек доказывал, что в районах с недостаточным количеством дичи, которая по привычкам своим не стадна и не мигрирует, преобладает индивидуальная охота, а индивидуальная форма охоты якобы связана с частной собственностью на охотничьи участки. В качестве классического примера такого пути развития частной собственности приводятся им индейцы юго-западной части Лабрадора. Коллективные же формы охоты, сохранившиеся еще лет 20—30 назад у наскипи в центральном и особенно северо-восточном Лабрадоре, он объяснял теми же экологическими причинами: якобы олени-карибу, главный объект охоты в этих районах, являются стадными и мигрирующими животными, поэтому, мол, здесь более продуктивна коллективная охота. Следствием подобной организации труда является, по его мнению, превращение более древней формы частной собственности на уголья в коллективную собственность. «Граница, отделяющая тундру от леса, является фактором, определяющим образ жизни животных и социально-экономическую жизнь людей в пределах и за пределами этих зон»¹⁰, писали Спек и Эйзелей в одной из своих совместных работ.

В основе этой концепции, как видим, лежит постулат, что пушной промысел был древней основой экономики индейцев. Ошибочность этого предположения убедительно доказана, как мы увидим далее, многими этнографами США и Канады.

В дискуссии о формах собственности на охотничьи участки у северо-восточных алгонкинов можно наметить три периода. Первый (1915—1926 гг.) — описательный, когда вышел в свет ряд статей Спека о частной собственности на землю у различных племен северо-востока Северной Америки¹¹. На этом этапе система семейных охотничьих участков трактовалась как архаическое явление, специфичное лишь для этого ограниченного и якобы изолированного от внешних влияний района Северной Америки. Индейцы этого района изображались как носители самобытной, не тронутой цивилизацией, примитивной культуры.

Второй этап начинается с выступления Ф. Спек на 22 конгрессе американистов в 1926 г. В своем докладе¹² Спек попытался доказать, что система «семейных охотничьих участков» — характерная черта охотничьей экономики всей циркумполярной полосы и вообще всех отсталых племен охотников и собирателей, обитающих в окраинных районах земного шара. Для обоснования своих выводов он привлек сибирские материалы Богоразы, Ихельсона и других, якобы свидетельствующие о наличии у ороченов, самоедов и финно-угорских народов такой же системы семейных охотничьих участков, как и у алгонкинов Лабрадора.

Выступление Спек привлекло внимание определенных кругов буржуазных этнографов. Его теория оказалась весьма привлекательной в обстановке той борьбы, которую вела с конца XIX и особенно в начале XX в. реакционная наука с учением Моргана. «Было нечто новое в идее, что существовали охотничьи племена, которые имели систему частного владения землей вместо общинной собственности», — писал по этому поводу И. Халлоуэлл¹³. Материалы Спек, казалось, давали твердую фактическую основу патриархальной теории, имевшей уже значительное влияние среди буржуазных ученых Европы. Неудивительно, что концепция Спек нашла живейший отклик у буржуазных ученых США в их борьбе с учением Моргана. Не только в частных исследованиях по этнографии алгонкинов, но и в общих руководствах по этнографии концепция Спек изображалась как доказанное историческое явление¹⁴.

Идеи Ф. Спек активно развивали в своих работах Дж. Купер и И. Халлоуэлл. В специальной статье, посвященной вопросу об автохтонности частной собственности на землю у восточных алгонкинов, Дж. Купер, как и Спек, доказывает, что возникла она в период до открытия материка в силу приспособления к специфическим экологическим условиям, и заключает, что эта система собственности является древней чертой всех первобытных племен окраинных частей мира¹⁵. В другой своей работе Купер вновь подчеркивает зависимость частной собственности на землю от экологических, т. е. природных условий: «Кажется, что форма собственности на землю у охотничьих

¹⁰ F. Speck and L. Eiseley, Mantsains — Naskapi bands and family hunting districts of the Central and Southeastern Labrador Peninsula, «Proceedings of the American Philosophical Society», т. 82, 1942, № 2, стр. 220.

¹¹ F. Speck, Family hunting territories and social life of the various Algonkian bands of the Ottawa Valley; «Canadian Department of Mines, National Museum Anthropological series», № 8, Ottawa, 1915; егo же, The family hunting band as the basis of Algonkian social organization, «American Anthropologist», т. 17, 1915, № 2; егo же, Mistassini hunting territories in the Labrador Peninsula, «American Anthropologist», т. 25, 1923.

¹² F. Speck, Land ownership among hunting peoples in primitive America and the world's marginal areas, «Atti del XXII Congresso International degli Americanisti», Roma, 1928

¹³ I. Hallowell, The size of algonkian hunting territories: a function of ecological adjustment, «American Anthropologist», т. 51, 1949, № 1, стр. 35.

¹⁴ R. Lowie, Primitive society, New York, 1925.

¹⁵ J. Cooper, Is the Algonkian family hunting ground system pre-Columbian, «American Anthropologist», т. 41, 1939, № 1

племен легко реагирует на экологию, особенно фауну, используемую как основной источник питания, — писал он. — Кажется даже вероятным, что эта система быстро приспособляется и изменяется в соответствии с изменяющимися местными экологическими условиями». Но некоторым нюансом в работе Купера, по сравнению с идеями Спекса, является допущение, что частная собственность на землю у алгонкинов не очень древняя, и возникла перед самым приходом на материк европейцев¹⁶.

Антиисторизм концепции Спекса еще более резко сформулирован в работе Халлоуэлла. В специальной статье он подчеркивает, что частная собственность на уголья у алгонкинов — явление не исторического, а экологического порядка¹⁷. Эта же мысль высказана им и в его позднейшем общем теоретическом труде (1955 г.), где он пытается подкрепить свои позиции ссылками на работы Р. Туривальда и М. Херсковича, которые якобы доказали на многочисленных примерах наличие частной собственности у примитивных народов¹⁸.

Финский ученый Вайно Таннер в своем исследовании по этнографии и географии Ньюфаундленда — Лабрадора, несмотря на то, что его индейские информаторы, как сообщает он сам, говорили ему, что у них никогда не было семейных участков охоты, полностью присоединяется к выводам Спекса и Купера. «Я полностью согласен со Спексом, — пишет он, — что до контакта с белыми зависимость от мигрирующей дичи могла способствовать пользованию участками отдельных семей. Точно такое же положение, как нам известно, было в Фенноскандии. В этой связи можно привести также мнение В. Шмидта, что семейные участки охоты ассоциируются с древней фазой культуры северо-восточных алгонкинских охотников. ...У них семья, а не большая семья — носительница принципов земельной собственности»¹⁹.

Аналогичную описанной Спексом частную собственность на уголья начали искать у других племен американского материка (у селишей, шошонов, сахаптинских племен, у атапаскских племен Канады).

Д. Дэвидсону «диагностические» черты собственности на уголья у алгонкинов «помогли» установить изначальность частной собственности у австралийцев²⁰, а затем и у огнеземельцев²¹. Позднее Херскович в своем труде по экономике отсталых племен, отмечая политическое значение дискуссии о первичности частной или общинной собственности, всецело принимает выводы Спекса и сам пытается показать широкое распространение аналогичной описанной Спексом системы частной собственности на уголья у отсталых племен охотников и собирателей, а также на пастбища у пастушеских народов²². В объяснении же причин возникновения частной собственности он стоит на позиции релятивизма, говоря, что у разных народов она возникает в силу различных причин²³. Херскович пишет, что отрицание частной собственности на землю у племен охотников-собирателей и скотоводов было следствием псевдоисторичности социально-эволюционных теорий XIX в., но сам он, ставя на одну доску отсталые племена охотников и собирателей с пастушескими народами, проявляет явный антиисторизм, игнорируя тот факт, что пастушеские скотоводческие племена стоят на значительно более высокой ступени развития производительных сил, чем племена, живущие натуральной охотой и собирательством. Говоря о первобытных пастушеских племенах, Херскович, так же, как и В. Шмидт, имеет в виду прежде всего сибирские оленеводческие народы. Оленеводство рассматривалось культурно-исторической школой, как очень древняя форма скотоводства, возникающая чуть ли не в эпоху палеолита.

На этом основании оленеводческие народы объединялись с самыми отсталыми племенами охотников и собирателей, обозначавшимися В. Шмидтом как *Altvölker*. Однако, как убедительно показали исследования советских этнографов и археологов, оленеводство представляет собою очень позднее историческое явление, возникшее у народов, предки которых были некогда знакомы с разведением крупного рогатого скота и лошадей. Эти исследования показали, насколько ошибочным и антиисторичным было объединение пастушеских народов с племенами отсталых охотников-собирателей как носителей наиболее примитивной культуры. В этом вопросе Херскович всецело следует теории культурных кругов В. Шмидта. Однако современные представители культурно-

¹⁶ J. Cooper, The Culture of the Northeastern Indian hunters: a reconstructive interpretation, «Papers of the R. S. Peabody Museum», т. 3, стр. 292—294.

¹⁷ I. Hallowell, The size of algonkian hunting territories: a function of ecological adjustment, стр. 35.

¹⁸ I. Hallowell, Culture and experience, Philadelphia, 1955, стр. 237—242.

¹⁹ V. Tanner, Outlines of the geography, life and customs of Newfoundland and Labrador, Cambridge, 1947, т. 2, стр. 636—637.

²⁰ D. S. Davidson, Family hunting territory in Australia. «American Anthropologist», т. 30, № 4, 1928. См. Г. Ф. Хрустов, К вопросу об отношениях собственности в первобытном обществе, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 16—36.

²¹ D. S. Davidson, Family hunting territories of the tribes of Tierra del Fuego, «Indian Notes», Museum of the American Indian, Heye Foundation, т. V, New York, 1928, стр. 395—410.

²² M. Herskovits, Economic Anthropology, стр. 335—340.

²³ Там же, стр. 326—327.

исторической школы вынуждены признать, что исследования советских ученых показали ошибочность хронологии оленеводства в схемах В. Шмидта²⁴.

Алгонкинскими материалами Спекса и его единомышленников воспользовался и В. Шмидт в своей аргументации изначальности частной собственности и патриархальной семьи у остальных охотников и собирателей. В упоминавшейся уже работе В. Шмидт, превознося Спекса, на основе его материалов делает вывод, что установленные им отношения собственности и основанная на них социальная организация у северо-восточных алгонкинов характерны для древних фаз культуры всех алгонкинских племен, хотя у многих из них они утрачены якобы под влиянием ирокезских племен и племен прерий. Эти же черты, по мнению В. Шмидта, некогда были характерны и для племен селишей, шошонов, сиу, паунаей²⁵. С легкой руки Спекса Шмидт распространил ареал изначальной частной собственности почти на весь американский материк.

Таким образом, в целом ряде работ доказывалось и обосновывалось развитие общинной собственности из частной как следствие приспособления человека к естественной среде. Экологический фактор оказался весьма удобным для опровержения теории общей закономерности развития человеческого общества и форм собственности, определяющих его экономический строй. С его помощью легко можно было доказать многолинейность развития: у одних народов в силу природных условий издревле сложилась якобы частная собственность, у других же — общинная. Таким путем устанавливалась изначальность института частной собственности и независимость его происхождения от экономического развития общества; производственные отношения капиталистического общества переносились в первобытность. Говоря о классовых корнях подобного рода концепций, В. И. Ленин писал: «Нет ничего характернее для буржуа, как перенесение черт современных порядков на все времена и народы»²⁶. Переоценка экологического фактора вообще имеет место в современных социологических схемах американских этнографов и выходящих руководствах по этнографии (см., например, работы Стюарда, Киссинга, М. Титиева).

* * *

На третьем этапе изучения форм собственности на землю у охотничьих племен Северной Америки под давлением вновь собранных фактических материалов происходит резкое размежевание среди американских этнографов — на сторонников первобытного коллективизма и последователей концепции Ф. Спекса. Начиная с 1930-х годов, публикуются конкретные исследования форм землепользования у охотничьих племен Канадского Севера К. Осгуда, Д. Дженнеса, Дж. Стюарда, К. Биркет-Смита, Ф. де Лагуны, Э. Ликок, Х. Хикерсона и др., в которых они на основе своих полевых исследований и анализа архивных данных показывают несостоятельность теории Спекса. Известный канадский ученый Д. Дженнес первым выступил с опровержением утверждений Спекса. В обобщающем труде об индейцах Канады он категорически высказывается против географического (а следовательно, и экологического) детерминизма в объяснении экономики и социальной жизни различных индейских племен. Принимая сообщения Спекса о наличии частных охотничьих участков у индейцев восточной Канады, он отвергает трактовку частной собственности на землю у этих племен как древней черты их культуры.

Он пишет, что раздел охотничьих угодий на семейные участки происходит только в результате вовлечения индейцев в капиталистическую меховую торговлю, этому разделу всюду предшествует общинная форма землепользования²⁷. Конкретно он анализирует эту проблему на материалах об оджибвеях о-ва Парри в заливе Джемса²⁸ и атапаскского племени секаней верховий р. Пис²⁹. Дженнес отмечает, что раздел охотничьих угодий на частные участки у этих племен происходил в недалеком прошлом, и что еще во время его полевых исследований у оджибвеев сохранялась общинная собственность на кленовые рощи, не имевшие отношения к меховой торговле. Выводы Дженнеса разделял и Дж. Стюард в своих теоретических работах. На основании полевых материалов, собранных им у племени носильщиков Британской Колумбии в Канаде, он прослеживает процесс раздела общинных угодий на семейные участки под воздействием меховой торговли³⁰.

²⁴ См. выступление В. Копперса на съезде этнографов в Нью-Йорке в 1952 г. См.: «An appraisal of anthropology today», Chicago, 1953, стр. 79.

²⁵ W. Schmidt, Указ. раб., стр. 141—155.

²⁶ В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. I, стр. 137.

²⁷ D. Jenness, Indians of Canada, Ottawa, 1932, стр. 118, 124.

²⁸ Его же, The Ojibwa Indians of Parry Island, their social and religious life. «Bulletin 78 National Museum of Canada, Anthropological series», № 17. Ottawa 1935.

²⁹ D. Jenness, The Sekani Indians of British Columbia, «Bulletin 84. National Museum of Canada, Anthropological series», № 20, 1937.

³⁰ J. Steward, Economic and social basis of primitive bands, «Essays in anthropology presented to A. L. Kroeber». Berkeley, 1936, стр. 339; его же, Determinism in primitive Society, «Scientific Monthly», 1941; см. также: его же, Theory of culture change, Urbana. 1955, стр. 145.

Выводы Дженнеса подтверждаются исследованиями северных атапасков Корнелиуса Осгуда, свидетельствующего о первоначальной общинной собственности на землю у этих племен. Например, относительно племен сатудене и невольников он сообщил в 1933 г., что индивидуальные участки на промысел бобров у них тогда уже имелись, но первоначально их не было³¹. Об ингаликах он пишет в последней из своих работ, что у них не было представления о частной собственности на землю³². Датский ученый Кай Биркет-Смит, непосредственно изучавший атапаскское племя чайпевайев, также писал об отсутствии у них частных охотничьих участков³³. В совместной работе Биркет-Смита и Ф. де Лагуны приводятся свидетельства об общинной собственности на землю у охотничьих племен районов Макензи, Плато, юга северо-западного побережья, у эйяков и эскимосов. На основании собранных данных эти авторы приходят к совершенно противоположному, в сравнении с выводами Спекса, заключению, а именно, что, «по-видимому, свободу пользования охотничьими возможностями в границах племенной территории нужно рассматривать как древнюю особенность в социальной организации циркумполярного района»³⁴. Этот вывод подтверждается и исследованиями отношений собственности у народов Сибири советскими учеными. Эти исследования внесли значительный вклад в историю изучения форм собственности на средства производства у охотничьих племен Северной Америки. В противовес утверждениям В. Шмидта и Спекса, на анализе конкретных материалов они убедительно показали, что частная собственность на угодья не является самобытной чертой первобытной экономики племен охотников и собирателей, что возникает она довольно поздно как следствие втягивания индейцев в меховую торговлю и проникновения в их экономику товарных отношений.

Однако Спек и его последователи упорно отстаивали свои позиции, полемизируя с Дженнесом и другими своими оппонентами³⁵. Этому посвящены и упоминавшиеся уже работы Купера и Халлоуэлла. В одной из совместных работ Спек и Айзелей, полемизируя с Дженнесом, для подкрепления своих позиций ссылаются даже на патера Шмидта, тоже считающего частную собственность и патриархальную семью древней особенностью алгонкинов и объясняющего все отклонения от них внешними явлениями и заимствованиями. Однако они не указывают, что эти выводы Шмидта основаны именно на материалах Спекса. В унисон со Спексом и Айзелеем В. Шмидт также отвергал выводы Дженнеса³⁶.

Купер и Айзелей пытаются подкрепить свои концепции ссылками на сообщения путешественников, якобы свидетельствующие об экологических причинах происхождения частной собственности на угодья у индейцев Восточной Канады. По мнению Дж. Купера, первое указание на это содержится в описании путешествия Дж. Рае, (1882 г.)³⁷. Айзелей же устанавливает еще более раннее свидетельство в журнале путешествия Д. Армона (1820 г.), также якобы горящие об экологическом детерминизме в развитии системы частных охотничьих участков. Он сетует при этом, что господство в XIX в. идей общинной собственности на землю у отсталых племен было настолько сильным, что ценные указания Дж. Рае и Д. Армона остались незамеченными³⁸. Но из приводимой Айзелеем же цитаты из журнала Армона совершенно очевидно, что сообщение относится к XIX в. и характеризует экономику индейцев в условиях ее полной зависимости от пушной торговли, а не от экологии.

Несмотря на проведенные Д. Дженнесом, К. Осгудом, К. Биркет-Смитом и другими авторами исследования форм земельной собственности у охотничьих племен атапасков и у оджибвеев, в отношении алгонкинов Лабрадора вплоть до середины XX в. все еще господствовала теория Спекса и его последователей. Однако в начале 1950-х годов сокрушительный удар по теориям Спекса на конкретном материале этого района нанесли исследования Элеоноры Ликок. Две ее работы послужили чрезвычайно важным этапом в изучении развития форм собственности на угодья у охотничьих племен³⁹.

³¹ C. Osgood, *The Ethnography of the Great Bear Lake Indians*, «National Museum of Canada. Annual Report, 1931», Ottawa, 1933, стр. 41, 71.

³² C. Osgood, *Ingalic Mental Culture*, New Haven, 1959, стр. 72.

³³ K. Birket-Smith, *Contribution to Chipewyan ethnology*, København, 1930, стр. 69.

³⁴ K. Birket-Smith and F. de Laguna, *The Eyak Indians*, København, 1938, стр. 462.

³⁵ F. Speck and L. Eiseley, *Significance of hunting territory system of the Algonkian in Social theory*, «American Anthropologist», vol. 41, № 2, стр. 280.

³⁶ W. Schmidt, *Указ. раб.*, стр. 142—151.

³⁷ J. Cooper, *The Culture of the Northeastern Indian hunters...*, стр. 291, со ссылкой на J. Rae, «Journal of the Royal Anthropological Institute», т. 12, 1862, стр. 274—275.

³⁸ L. Eiseley, *Land tenure in the Northeast: a note on the history of the concept*, «American Anthropologist», т. 49, 1947, № 4, ч. 1, стр. 680—681, со ссылкой на Daniel Harmon, «Journal of Voyages and travels in the Interior of North America», New York, 1922.

³⁹ E. Leacock, *The Montagnais «hunting territory» and the fur trade*, «American Anthropological Association Memoirs», № 78, 1954; ее же, *Matrilocality in a simple hunting economy (Montagnais—Naskapi)*, «Southwestern Journal of Anthropology», т. II, 1955, № 1.

Тщательным анализом собранных ею обширных, как полевых, так и архивных материалов об общественном устройстве индейцев Лабрадора, она полностью подтверждает положение Дженнеса, Осгуда, Биркет-Смита и др., что общинная собственность на охотничьи угодья предшествует частному владению отдельным участком. Она очень убедительно показывает, как частное владение охотничьими участками складывается у остальных племен охотников под влиянием вовлечения их в капиталистическую пушную торговлю.

Безусловно важное значение для подхода к изучению социальной жизни у различных индейских племен вообще имеет также ее замечание, что теперь «становится все более и более очевидным, что та племенная жизнь индейцев, которая описывалась в XIX в. и даже в конце XVIII в., отражала уже серьезные изменения, происходившие в результате активного участия индейцев в развитии мировой торговли и коммерции»⁴⁰. Эта мысль тем более ценна, что до последнего времени этнографы США в своих эмпирических описаниях индейских племен подходили к явлениям их общественной жизни статически, без учета их предшествующей истории и тем более без учета влияния на нее колонизации. Социальная организация того или иного племени считалась автохтонной в той форме, какою ее удавалось реконструировать на середину XIX в. в лучшем случае на конец XVIII в. «Чтобы реконструировать самобытную культуру аборигенов,—справедливо замечает Ликок,—недостаточно описать ее в сегодняшнем виде и затем выделить из нее черты явно европейского происхождения. Необходимо учитывать, что со времени открытия и начала колонизации материка происходили коренные общественно-экономические изменения»⁴¹. Говоря, в частности, о подчеркивавшемся Спеком и его последователями «примитивизме» алгонкинов Лабрадора она называет его «кажущимся», «обманчивым примитивизмом»⁴².

В основу исследований Ликок положен историко-материалистический подход. Обе ее работы по существу посвящены показу того, как основа туземной экономики определяет социально-политическое устройство племени. Тщательным анализом материалов она прослеживает, как вместе с переходом от натурального коллективного производства и распределения к товарному пушному промыслу меняется весь жизненный уклад индейцев и формы их социальной организации. Она подчеркивает при этом, что при изучении общественной организации охотничьих племен северо-востока Северной Америки необходимо учитывать, что на протяжении последних 300 лет она складывалась под непосредственным влиянием пушной торговли и проникновения в их экономику товарных отношений⁴³.

Усомнившись в выводах Спекса, Ликок особое внимание в своих полевых исследованиях уделила проверке приводимых им фактов путем изучения тех же групп и даже семей индейцев, на которые ссылался Спекс.

В результате она обнаружила несостоятельность целого ряда положений в концепции Спекса. Она убедительно показывает, что главная ошибка Спекса заключалась в том, что он, установив в 1910-х годах наличие частных охотничьих участков у индейцев Западного Лабрадора, интерпретировал это явление как древнейшую форму собственности, характерную для всех алгонкинов. При описании же этих участков Спекс допустил ряд переделжек. Через 30 с лишним лет после полевой работы Спекса Ликок установила, что даже в указанном ограниченном районе частные охотничьи участки не так четко разграничены, «как это показалось Спексу»⁴⁴; участком обычно владела группа братьев и не было маленьких узкосемейных участков; патрилинейное наследование не упразднило право всей группы на пользование участком, к тому же часто участки наследовались зятем. Все это говорило о том, что процесс становления частной собственности на угодья еще не достиг такого завершения, как это списал Спекс. В интерпретации последней по существу не было никакой разницы между частной собственностью на угодья у индейцев и капиталистической частной собственностью.

Против экологического объяснения возникновения частной собственности у индейских звероловов Ликок приводит весьма убедительный довод, что до появления на Лабрадоре европейских скупщиков мехов «мелкая пушная дичь не имела такого значения в экономике индейцев, чтобы определять их общественно-экономический строй»⁴⁵.

Обе работы Ликок посвящены обоснованию ее основного положения, что «составительность на специфические ресурсы возникает как ответ на проникновение в экономику индейцев отношений купли-продажи в связи с меховой торговлей»⁴⁶.

Собранные по истории индейцев Лабрадора материалы позволяют Ликок установить три этапа перехода от примитивной натуральной охоты к товарному пушному промыслу. Она прослеживает, как по мере вовлечения индейцев в меховую торговлю изменялось соотношение между натуральной мясной охотой и товарным пушным про-

⁴⁰ E. Leacock, The Montagnais «hunting territory» and the fur trade, стр. 43.

⁴¹ Там же, стр. 43.

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же, стр. 1.

⁴⁵ Там же, стр. 3.

⁴⁶ Там же, стр. 2.

мыслом в хозяйстве индейцев, а вместе с этим изменялись и их производственные отношения. На первом этапе втягивания индейцев в колониальную меховую торговлю мясная охота имеет еще более важное значение, чем пушной промысел. Индейцы лишь частично зависят от торговых компаний. На втором этапе пушной промысел начинает уже превалировать над мясной охотой, но приспособление индейцев к новым условиям денежно-товарной экономики вследствие колониальной эксплуатации и ограбления их скупщиками пушнины, происходит чрезвычайно медленно и болезненно. Ликок отмечает, что на этом этапе положение индейцев наиболее бедственно, они часто голодают, смертность необычайно велика, народ фактически вымирает. На третьем этапе пушной промысел становится главным занятием индейцев, и индеец-зверолов почти не отличается от белого траппера.

Проследивая историю колонизации и проникновения меховой торговли в Восточную Канаду, Ликок устанавливает три района, дающие наглядную картину намеченных ею этапов развития товарных отношений у индейцев этого района. Наскапи центрального и северо-восточного Лабрадора дают характерный пример первого из этих этапов. Устремление французских и английских скупщиков пушнины на запад по р. Лаврентия в наиболее богатые пушиной районы к югу и юго-востоку от Гудзэновы залива оставило центральный и северо-восточный районы Лабрадора на значительный период в стороне от главных пунктов меховой торговли. Меховая торговля велась здесь спорадически, от случая к случаю. Поэтому еще в 1926 г. охота на мясного зверя у наскапи восточного Лабрадора имела еще более важное значение, чем пушной промысел. Последний давал в основном лишь средства на приобретение ружей, пороха, капканов, отчасти одежды, пища же была своя. Меховая торговля только недавно стала решающим фактором в экономике этих индейцев. Поэтому товарные отношения и отношения собственности находятся у них на сравнительно раннем этапе развития. Индейцы живут еще в лесу, вдали от торговых постов. Они посещают их главным образом летом, когда продают заготовленные за зиму меха и покупают нужные им товары. На пост обычно приезжают лишь мужчины-охотники, семьи же остаются в стойбищах внутри полуострова.

Описания социальной жизни наскапи этих районов, данные Стронгом (1926 г.), Таннером (1939 г.), и материалы Ликок (1940—1950 гг.) говорят о том, что у наскапи до начала XX в. преобладали еще первобытнообщинные отношения и сохранялось еще родовое устройство. Основная социальная единица наскапи характеризуется авторами как сравнительно немногочисленный экзогамный коллектив охотников, объединенный общностью экономических интересов и родством по женской линии. Охотничьи угодья считаются общей собственностью этого коллектива, в основе охоты и распределения продуктов охоты лежат еще общинные начала. Например, Стронг, описывая в 1926 г. родовой коллектив (называемый им «band») в Девиж Инлет, характеризует его как состоящий из 36 человек экзогамный коллектив, объединяющий несколько многосемейных домашних общин. В течение зимы род сообща кочевал и охотился в пределах территории своей традиционной охоты, границы которой, однако, не были определены. Летом он из поколения в поколение объединялся в едином стойбище с другими такими же родами Озерного плато и озера Индиан Хауз для рыболовства, совместной охоты на карибу, для свиданий и браков⁴⁷. Эти летние стойбища можно рассматривать как территориальные объединения нескольких охотничьих родов, имевших по традиции общий район охоты и кочевания.

Так же характеризует и Таннер охотничий коллектив на Норд-Уест-Ривер в 1939 г.⁴⁸ Описывая большие домашние общины наскапи, Ликок отмечает, что они объединяют пять-шесть семей и еще в 1940-х годах очень часто состояли из семей материнских дядей и племянников. Это очевидно из приводимого ею состава нескольких таких групп в конце 1940-х годов. Одна из таких общин, кочевавшая в районе Норд-Уест-Ривер, состояла из пяти семей: семьи материнского дяди, двух семей его замужних племянниц и семей его дочери и сына. До зимних холодов эти семьи жили в одной большой палатке. С наступлением же заморозков они расселились в две разбитые рядом меньшие палатки. В этом случае две сестры с мужьями поселились в одной палатке, во второй — их дядя со стороны матери с семьями своих детей — дочери и сына. В этих родовых общинах, наряду с преобладанием еще матриликальных браков, в течение XX в. все чаще стали заключаться патрилокальные браки. Но решающее слово в определении локальности брака все еще принадлежало женщине. О родовой организации свидетельствует также классификационная система родства и широко практиковавшийся здесь кросскузенный брак, который, по свидетельству Стронга, сохранялся у наскапи еще в XX в.

Хотя родовые общины описываются у авторов под географическими названиями, сам Спек отмечал, что многие из них носят названия по животным эпонимам. Он же описал и тотемизм у индейцев Лабрадора⁴⁹.

⁴⁷ D. Strong, Cross-Cousin marriage and the culture of the Northeastern Algonkian, «American Anthropologist», т. 31, 1929, № 2, стр. 22.

⁴⁸ V. Tanner, Указ. раб., стр. 606—609.

⁴⁹ F. Speck, Game totems among the northeastern Algonkians, «American Anthropologist», т. 19, Menasha, 1917, № 1.

Анализ реляций незуитов и архивных материалов торговых компаний приводит Ликок к заключению, что на этом же этапе общественного развития находились в XVII—XVIII вв. все индейские группы Лабрадора, что еще в XVII в. у них не было раздельного пользования охотничьими угодьями, и формой общественного устройства был материнский род, который она характеризует как экзогамный охотничий коллектив, состоявший из нескольких многосемейных домашних групп («multifamily tent groups»), объединенных родством по женской линии. Матрилокальность брака и матрилинейный счет родства и наследования указываются миссионерами как идеальный тип социального устройства монтанье западного Лабрадора. Миссионер Ле Жень (1633—1634 г.) отмечает, что дети сестры являются предпочтительными наследниками у индейцев⁵⁰.

Эти описания, вопреки концепциям Спек и В. Шмидта, относивших алгонкинов к издревле безродовым племенам, убедительно свидетельствуют о том, что ко времени прихода миссионеров и скупщиков мехов в этот район здесь существовал типичный материнский род, но род, приспособленный к условиям подвижной охотничьей жизни. Немногочисленность и относительная неустойчивость в составе родовой группы — это специфические особенности рода кочевых охотничьих племен, отличающие его от рода оседлых земледельческих и рыболовных племен.

Отношения собственности у индейцев юго-восточного Лабрадора дают представление о втором этапе развития товарности индейского хозяйства и распада родовых связей. Ликок устанавливает, что этот район был втянут в меховую торговлю несколько раньше, чем северо-восток и центральная часть полуострова.

В качестве типичной для этого этапа, Элеонора Ликок описывает общественную жизнь индейцев р. Наташкуань. На протяжении последних четырех поколений покупные продукты: мука и лядр почти вытеснили у них мясную пищу. Это было свидетельством того, что пушной промысел за это время приобрел здесь более важное значение, чем мясная охота. Однако промышляют зверя чаще всего партиями, обычно в 10 человек, партнеры по охоте чаще всего избираются из материнских дядей или родственников жены. В то же время наблюдается уже тенденция к разделу и закреплению охотничьих участков за отдельными охотничьими партиями. Есть даже отдельные лица, закрепившие за собой определенный участок. Ликок в качестве примера указывает на индейца Пьеа Габриеля, закрепившего за собой участок, который одно поколение тому назад был охотничьей территорией целой группы.

Приводимые Ликок материалы свидетельствуют, что в недавнем прошлом основной социальной ячейкой у наташкуань была, как и у наскапи, экзогамная материнско-родовая община. Однако в связи с переходом к товарному пушному промыслу и с постепенной индивидуализацией труда зверолова здесь начался уже процесс выделения семьи из коллектива как экономической единицы. Каждая семья жила уже преимущественно в отдельной палатке, но общинный характер прежнего жилища сохранялся в общности кухонного очага. В летних стойбищах женщины соседних палаток до сих пор очень часто имеют общий очаг на открытом воздухе. Характерен состав женщин различных палаток, пользующихся одним очагом. Летом 1950 г., по наблюдениям Ликок, в стойбище наташкуань в шести случаях одним очагом пользовались матери или матери с дочерьми; в двух — бабушки и внуки и только три очага объединяли свекровей и невесток⁵¹. Этот пример свидетельствует о том, что в основе объединения вокруг общего очага, а следовательно и расположения палаток, еще до сих пор лежат отношения родства, в большинстве случаев — матрилинейного родства.

Ликок хорошо показывает связь между переходом от матрилокальности браков к патрилокальности и возникновением права наследования по отцовской линии. Но матрилокальность была еще более частым явлением, чем патрилокальность, и еще сильнее была традиция наследования по женской линии, чаще всего в форме передачи прав на охотничьи угодья от тестя к зятю. Здесь мы видим тот же, что и у индейцев северо-западного побережья, путь перехода от наследования племянником к наследованию зятем как переходную форму от матрилинейного наследования к отцовскому праву. Переход к патрилокальным нормам сопровождается нарушением родовой экзогамии которая быговала здесь еще лет 50 назад⁵². Ликок выявляет в этом районе любопытное переплетение и сосуществование вторгающихся в экономику товарно-денежных отношений и прежних первобытнообщинных отношений. Это проявилось прежде всего в распределении охотничьей добычи. Вся добыча мясной охоты потреблялась сообща всем охотничьим коллективом. Пушнину же делили следующим образом. Мех зверей, убитых ружьем, делился между охотниками соответственно нужде каждого; при этом учитывались долг охотника в лавке компании и количество его иждивенцев. Мех же зверей, пойманных в капкан, за исключением ондатры, считался уже собственностью владельца капкана. Шкура медведя обычно отдавалась старшему охотнику. Вырученные за мех деньги сосредотачивались в руках главы семьи. Индейцы проводили четкую грань между пушным промыслом и работой по найму, с одной стороны, и трудом, затраченным непосредственно на удовлетворение своих нужд, — с другой. Само понятие «работа» на современном языке индейцев включало лишь различные виды работы по найму

⁵⁰ E. Leacock, *Matrilocality in a simple hunting economy*, стр. 32.

⁵¹ Там же, стр. 42.

⁵² Там же, стр. 35.

на «белых» и пушной промысел, понятие «промышлять зверя» означало также «искать» или «ловить деньги»⁵³.

Под влиянием миссионеров индейцы считали грехом работать по воскресеньям, но охотились на мясную дичь. Для добычи пищи, заготовки дров или других видов труда, направленного на удовлетворение своих непосредственных нужд, индейцы свободно давали друг другу ружья, лодки и другие орудия труда. Но за использование этих же орудий для заготовки чего-либо на продажу «белым» требовали компенсации. Ликок приводит характерный пример. Индеец, живя вместе с зятем, делал последнему и лодки и лыжи, а зять делился с ним своей добычей, но когда тестю понадобилась лампа на время беседы с этнографом, оплатившим его информацию, то дочь взяла с отца за пользование лампой 25 центов⁵⁴. Этот пример особенно наглядно иллюстрирует процесс вытеснения и замены связей по родству товарно-денежными отношениями.

Юго-западный Лабрадор дает картину третьего этапа развития товарности индейской экономики. Начало меховой торговли в этом районе относится к концу XVI в. и уже к концу XIX в. обитавшие там индейцы полностью зависели от пушного промысла. Именно здесь на протяжении 300 лет меховой торговли сложилась система частных охотничьих участков, начало выделения которых Ликок относит к началу XVIII в.⁵⁵ Именно у индейцев этого района Спек и установил в начале XX в. частную собственность на уголья и интерпретировал ее как архаическую форму землепользования, характерную для всех охотничьих племен. Однако, как замечает Ликок, еще в 1951 г. «частные охотничьи участки не были так четко разграничены, как это показало Спеку»⁵⁶. Хотя эти участки и места разбивки стойбища наследовались по отцовской линии, однако нередки были еще случаи перехода их от тестя к зятю. Сохранились также различные пережиточные формы общинородовых отношений. Известный этнограф Г.ДР. Юлиус Липс, изучавший обычное право у индейцев этого района в 1930-х годах, отмечает, например, что в их «обычном праве преобладают отношения взаимопомощи». Он указывает, что, несмотря на наличие частных охотничьих участков, охота на мясного зверя еще разрешалась и на чужом участке. В случае голода можно было убить даже бобра, но шкуру необходимо было отдать хозяину бобровой хатки⁵⁷. Границы индивидуальных участков не соблюдались также при сборе ягод, бересты и прочего, что шло на собственное потребление, а не на продажу «белым».

Вместе с тем, кроме пушного промысла, в экономике индейцев этого района огромное значение приобрели уже заработки на лесозаготовках и других предприятиях у неиндейского населения. Заработок считается здесь уже собственностью самого работника. Каждый трудоспособный член семьи, становясь охотником, открывал свой счет в лавке компании⁵⁸. Индивидуализация охоты и частное присвоение ее продуктов были значительно ускорены практикой торговых компаний заводить в своих лавках отдельный лицевой счет на каждого охотника. Юноша, убивший первого медведя, например, уже открывал свой счет в лавке компании.

На конкретных фактах Ликок показывает, как в связи с проникновением товарных отношений в экономику индейцев сначала устанавливается частная собственность на пушнину, затем появляется право исключительной эксплуатации ресурсов на том или ином участке. В данном случае речь идет о собственности на бобровые хатки, формирование которой предшествует появлению частного владения охотничьими участками. Например, на юго-западе Лабрадора, у индейцев на озерах Мистассин и Сент-Джон все бобровые хатки считаются уже собственностью владельца участка. У индейцев же Семи Островов бобровой хаткой пользуется нашедший ее. Он ставит на нее свою тамгу, независимо от того, на каком участке эта хатка обнаружена⁵⁹.

Становление частной собственности на охотничий участок проходит также ряд этапов — от выделения отдельного участка и традиционного использования охотничьих троп на нем одной семьей в течение нескольких сезонов, до полного закрепления его за семьей, которая уже принимает меры к охране пушного зверя на своем участке. Нельзя не согласиться с Ликок, что меры по охране пушного зверя, и в частности бобров, появились у индейцев лишь в связи с истреблением бобров ради меха, и не являются древней автохтонной чертой их экономики, как это представляло Спеку.

Выводы Ликок полностью подтверждаются в недавно вышедшем исследовании Г. Хикерсона форм собственности на уголья у оджибвеев и других племен района Больших озер в XVI—XVII вв. На основании изучения архивных материалов Хикерсон приходит к тем же выводам, что и Э. Ликок, относительно первичности общинной

⁵³ E. Leacock, Montagnais «hunting territory»..., стр. 34.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же, стр. 15. На специальной картосхеме она наглядно показывает совпадение границ распространения частных охотничьих участков с районом наиболее раннего развития пушной торговли (стр. 14).

⁵⁶ Там же, стр. 1.

⁵⁷ J. Lips, Public opinion and mutual assistance among the Montagnais — Nascapi, «American Anthropologist», т. 39, 1937, № 2, стр. 223—224; его же, Nascapi law, «Transactions of American Philosophical Society», т. 37, ч. 4, 1947.

⁵⁸ E. Leacock, Matrilocality in a simple hunting economy, стр. 43.

⁵⁹ E. Leacock, Montagnais «hunting territory»..., стр. 27.

собственности на землю у индейцев этого же района. «Ранние источники,— пишет он,— содержат сведения лишь об общинной собственности на землю; о семейной или индивидуальной собственности на охотничьи угодья (каковая описана Спеком) не упоминает ни один из ранних авторов, а широкий обзор источников первой половины XVIII в. также не обнаруживает существования такой системы у предков чипева. Эта система развилась позже, таким же путем, как это описано у Ликок в отношении монтанье (1954)»⁶⁰.

Алгонкинские материалы Ликок, Хикерсона и Дженнеса, так же, как свидетельства ученых об атапасках Северной Канады, являющиеся, таким образом, ярким доказательством того, что раздельное пользование охотничьими угодьями и частная собственность на охотничьи участки возникает у таежных охотников лишь в связи с их переходом от натуральной коллективной охоты на мясного зверя к товарному звероловству. Этот же путь развития собственности характерен и для охотничьих народов Сибири, как это показано в работах советских сибиреведов (Никульшина, Сергеева, Долгих и др.).

* * *

Как показывают изложенные материалы, вопрос о собственности на средства производства самым непосредственным образом связан с вопросом о формах социального устройства данного народа.

Сторонники изначальности семейных охотничьих участков постулировали семью как собственника этих участков. Авторы же, стоящие на точке зрения первобытного коллективизма, связывали его с организацией племени в так называемые «bands», или «локальные группы», характеризовавшиеся как коллективы родственников, сообща пользующихся охотничьими угодьями. Локальная группа считалась наиболее подходящей формой организации примитивных племен охотников и собирателей⁶¹. Американские этнографы категорическим образом отличают ее от рода. Считая типичной формой рода род оседлых земледельческих и рыболовных племен, все отклонения от него они не признавали уже родом и в отличие от него называли «band». Доказательству отличия «band» от рода посвящена специальная статья Стюарда⁶².

И Ликок, характеризуя основную социальную единицу аборигенного общества индейцев как экзогамный коллектив людей, объединенных матрилинейным счетом происхождения, в основе которого лежит общность экономических интересов, также не называет эту единицу родом, а, следуя традиционной терминологии американских этнографов, определяет ее как «билोकальную локальную группу». К сожалению, Ликок остается на позициях широко распространенной в американской этнографии концепции изначальности билатеральной филиации. На этом основании древнейшая форма социального устройства охотничьих племен характеризуется ею как неустойчивая билोकальная группа с наиболее частой матрилокальностью, которая под влиянием пушной торговли уступает место патрилокальности⁶³.

Прекрасно показав на конкретных примерах переход от материнского рода к патриархальным отношениям и твердо установив тенденцию развития именно в этом направлении, Ликок остается, однако, еще в плену распространенных в американской этнографии так называемых «антиэволюционистских» концепций, т. е. концепций, направленных на опровержение материнского рода как древней системы организации в первобытном обществе. Ее позиции в этом вопросе находятся в полном противоречии со всем, ею написанным. Она оповаривается, например, что не считает материнские нормы более распространенными в прошлом, чем патриархальные нормы сейчас. В то же время она твердо устанавливает тенденцию развития от первых ко вторым. Она считает возможным снять вопрос о том, что чему предшествовало, говоря определенно, что стабилизация патриархальных отношений связана с переходом от коллективных форм к товарно-денежным отношениям.

«Билोकальная группа» привлекает Ликок тем, что в ней якобы не было господства или доминирования⁶⁴ одного пола над другим. Поэтому она и считает наиболее древней формой организации именно ее, так как в материнском роде якобы господствуют женщины, а в отцовском — мужчины. Ошибка Ликок в данном случае заключается в том, что она не учитывает тот основной факт, что доминирование, и чаще всего мужчин, есть проявление развивающихся отношений частной собственности. И она это хорошо показала на алгонкинских материалах. Как показывают многочисленные накопленные современной этнографической наукой факты, всюду переход к отцовскому

⁶⁰ H. Hickerson, The feast of dead among the seventeenth century — Algonkians of the upper Great Lakes, «American Anthropologist», т. 62, 1960, № 1. стр. 85.

⁶¹ J. Steward. The Economic and social basis of primitive bands, «Essays in Anthropology presented to A. L. Kroeber», 1936.

⁶² J. Steward, Ecological aspects of Southwestern Society, «Anthropos», т. 32. 1937, стр. 87—104.

⁶³ E. Leacock, Matrilocality..., стр. 32—33.

⁶⁴ Там же, стр. 46.

праву связан с переходом на более высокую ступень развития производительных сил и появлением частной собственности на средства производства — скот, рабов, пушнину, землю, охотничьи угодья, собственником которых становится мужчина. На этом и основывается его господствующее положение в семье.

В материнском роде не может быть и речи об отношениях господства или доминирования одного пола над другим. Он основан на коллективном производстве и распределении, в котором труд обоих полов имеет одинаково важное общественное значение. Это строй «равенства и братства», как писал Морган. Здесь нет понятия частной собственности — земля, охотничьи и рыболовные угодья как главные условия труда являются первоначально общими для всех. Все это иллюстрируется, в частности, наглядно материалами Ликок и других исследователей общественной жизни охотничьих племен Канадского Севера.

Несмотря на противоречивость позиций Ликок в этом вопросе, важнейшие выводы ее исследований имеют общесторическое значение, как очень веская аргументация в пользу марксистского учения о развитии первобытного общества, в основе которого лежит учение Моргана о роде. При этом очень важно, что эта аргументация основана на фактах, которые интерпретировались как говорящие против Моргана и в пользу патриархальной теории.

В настоящее время можно считать теорию Спек и его единомышленников окончательно опровергнутой. Пожалуй, большинство современных этнографов США и Канады признают это. В обобщающей работе об индейцах Северной Америки Драйвера и Массея при характеристике форм собственности у охотничьих племен принимается точка зрения Ликок, правда, с некоторой оговоркой. В отличие от Ликок, авторы считают, что в абorigенный период для индейских племен Восточной Канады характерны были скорей патриархальные нормы, чем билатеральность⁶⁵.

Однако было бы ошибкой думать, что все буржуазные ученые отказались от идей Спек и от теории изначальности частной собственности на землю. Например, в теоретической работе Линтона, опубликованной после выхода в свет исследований Ликок, содержится еще утверждение, что «...алгонкинские племена от Лабрадора до Виргинии имели систему частного владения землей, что было чрезвычайно редким явлением в абorigенной Америке. Здесь каждая семья имела свои определенные участки для охоты и рыбной ловли...»⁶⁶.

И. Халлоуэлл, игнорируя работы Дженнеса, Ликок и других оппонентов Ф. Спек, в своей работе 1955 г. утверждает, что «концепция Спек восторжествовала, несмотря на имеющиеся разногласия в некоторых кругах этнографов относительно автохтонности всех черт» установленной Спекем частной собственности у алгонкинов северо-востока Северной Америки. Он считает, что после Спек наличие частной собственности у охотничьих и пастушеских племен других частей света было доказано⁶⁷ в работах Турнвальда и Херсковича⁶⁸, якобы показавших распространенность аналогичной алгонкинской системы частной собственности на угодья у этих племен. Отрицание ее в прошлом было, по мнению Халлоуэлла, как и Херсковича, следствием якобы «псевдоисторических» концепций социально-эволюционных теорий XIX в.⁶⁹ Концепции Спек повторяет и А. Уоллас в своей работе (1957 г.), в которой он приводит в общем интересные материалы об общинной собственности на угодья в 1600—1830 гг. у ирокезских и алгонкинских племен северо-востока Северной Америки. Но автор «подозревает», что общинной собственности у делаваров и других алгонкинских племен тихоокеанского побережья предшествовала «система семейных охотничьих участков, аналогичная описанной Спеком»⁷⁰.

В основе всех этих концепций лежит отрицание единой закономерности в развитии общества, противопоставление ей принципа релятивизма и многолинейности в развитии различных племен и народов. У одних племен — ирокезов, индейцев пуэбло и северо-западного побережья, у степных племен — бесспорно признается общинная собственность, у племен же охотников и собирателей доказывается изначальность частной собственности. Обе формы собственности складываются якобы в силу экологических факторов.

Однако, наряду с экологическими объяснениями происхождения частной собственности, за последнее десятилетие в США появились этнографические работы, в которых происхождение частной собственности обосновывается психологическими факторами. Подобного рода объяснения не новы. В свое время Летурно объяснял изначальность частной собственности инстинктом собственности, присущим не только людям, но и

⁶⁵ H. Driver and W. Massey, Comparative studies of North American Indians, «Transactions of the American Philosophical Society», т. 47, ч. 2, Philadelphia, 1957, стр. 388.

⁶⁶ R. Linton, The tree of Culture, New York, 1955, стр. 601.

⁶⁷ I. Hallowell, Указ раб., стр. 242.

⁶⁸ M. Herskovits, Указ раб., стр. 335.

⁶⁹ I. Hallowell, Указ раб., стр. 242.

⁷⁰ A. Wallace, Political organization and land tenure among the Northeastern Indians, 1600—1830, «Southwestern Journal of Anthropology», т. 13, 1957, № 4, стр. 312.

животным⁷¹. В 1932 г. в Нью-Йорке была опубликована работа Эрнста Биглхола, в которой частная собственность выводилась из врожденного у людей инстинкта владения⁷². Эта реакционная концепция полностью разделяется И. Халлоуэллом⁷³, не отрицает и Херсковитцем⁷⁴. Но современные американские этнографы Э. Фрийд, В. Барноу, И. Халлоуэлл и А. Уоллас пытаются объяснить этот инстинкт владения из якобы свойственного психике первобытных охотников и собирателей индивидуализма или, по их терминологии, «атомизма». Этот первобытный «атомизм» доказывается в работах указанных авторов главным образом на примере оджибвеев. Но много писалось также об изначальном индивидуализме эскимсов, команчей, племен Большого бассейна⁷⁵. Относительно «атомизма» оджибвеев Барноу, например, писал: «...вне семьи у них не было экономической кооперации. У них не практиковалась коллективная охота подобно тому, как это было у степных племен, у них не было ни лагерного круга, ни организованного совета людей, ни какой-либо системы управления, ни военных советов, никаких знаков групповой интеграции. Каждый жил для себя или для своей семьи; существовало очень мало видов деятельности, связывавших воедино изолированные семьи. Даже главные религиозные обряды отправлялись не ради благополучия группы в целом»⁷⁶.

Несостоятельность этих взглядов убедительно показали в специальных исследованиях американские этнографы Б. Джеймс⁷⁷ и Г. Хикерсон⁷⁸, в которых они пишут, что авторы теорий «атомизма» изучают оджибвеев с помощью различного рода психологических тестов в современных условиях их жизни в резервациях, а затем составленный психологический портрет проецируют в глубь истории, доказывая, что он характерен не только для предков современных оджибвеев, но и для всех отсталых племен охотников и собирателей. «В соответствии с картиной индивидуалистического типа личности чиппевеев (оджибвеев.— Ю. А.) — пишет Хикерсон,— исследователи их культуры изображали индивидуалистичной, „атомичной“ их общественно-экономическую жизнь»⁷⁹.

Как именно устанавливается «индивидуализм» оджибвеев, красноречиво свидетельствует Б. Джеймс, год проживший в одной из их резерваций и выступивший с опровержением измышлений своих коллег. «Многие из черт личности, приписываемых извечному «атомизму» чиппевеев,— пишет он,— представляются как социально-психологические последствия нищеты экономики и состояния угнетенности в резервациях сегодняшнего дня»⁸⁰. Он справедливо указывает, что для суждений о психическом складе людей необходимы более длительные непосредственные наблюдения, подчеркивая тем самым поверхностный характер выводов сторонников теории «атомизма».

Как правильно отмечает Джеймс и Хикерсон, сторонники первобытного атомизма постулируют неизменность, статичность психического склада, его независимость от изменяющихся условий жизни. «Халлоуэлл и его единомышленники,— пишет Г. Хикерсон,— настаивают на стойкости «атомистичной» структуры личности чиппева (оджибвеев.— Ю. А.) на протяжении длительного периода их контакта с европейцами, несмотря даже на то, что условия их жизни чрезвычайно менялись»⁸¹. Оба автора высказываются против того, чтобы рассматривать структуру личности как постоянную, неизменяющуюся во времени категорию. Они отмечают на основании своих личных наблюдений, что составленный Барноу и Фрийд «психологический» портрет оджибвеев не соответствует даже современной действительности. В чертах же, приписываемых индейцам сторонниками «атомизма»: «замкнутость», «агрессивность», «настороженность», «подозрительность» и т. д.⁸², явно проглядывает этнограф-расист.

Сама по себе концепция индивидуализма первобытного человека так же стара, как и теория изначальности частной собственности.

Она выдвигалась в свое время в работах Ю. Липперта, К. Бюхера, П. и Ф. Сарражинов. Плеханов подверг эту реакционную идею уничтожающей критике. Называя ее

⁷¹ Ш. Летурно, Социология по данным этнографии (перевод с франц.), СПб., 1896, стр. 231—232.

⁷² E. Beaglehole, Property, a study in social psychology, New York, 1932.

⁷³ I. Halloweell, Указ. раб., 1955.

⁷⁴ M. Herskovits, Указ. раб., стр. 329.

⁷⁵ См. например: E. Wallace and A. Hoebler, The Comanches: Lords of the South Plains, Norman, 1952; J. Steward, The economic and social basis of primitive bands. «Essays in anthropology presented to A. Kroeber», Berkeley, 1936.

⁷⁶ V. Barnouw, Acculturation and personality among the Wisconsin Chippewa, «American Anthropological Association Memoirs», № 72, 1950, стр. 16.

⁷⁷ B. James, Some critical observations concerning analysis of Chippewa «atomism» and Chippewa personality, «American Anthropologist», т. 56, 1954, № 2.

⁷⁸ H. Hickerson, The feast of dead among the seventeenth century Algonkians of the upper Great Lakes, «American Anthropologist», т. 62, 1960, № 1.

⁷⁹ Там же, стр. 81.

⁸⁰ B. James, Указ. раб., стр. 285.

⁸¹ H. Hickerson, Указ. раб., стр. 81.

⁸² F. Friedel, Persistence in Chippewa culture and personality, «American Anthropologist», т. 58, 1956, № 5, стр. 814.

«теорией индивидуального искания пищи», он на большом фактическом материале показал ее несостоятельность, вскрыл истинный смысл фактов, приводившихся указанными учеными в доказательство своей теории⁸³.

Теория первобытного «атомизма» несомненно представляет собой попытку установить изначальность в истории человечества частной инициативы и частного предпринимательства, свойственных капиталистическому обществу. Это еще один из характерных примеров перенесения буржуазными учеными капиталистических отношений в глубь веков, это попытка найти оправдание отвратительному буржуазному эгоизму эпохи империализма и противопоставить его как якобы освященную десятками тысячелетий сущность человека современному коммунизму. Сторонники этой теории откровенно пишут о том, что спор идет о жгучем вопросе современности — «индивидуализм versus коммунизм»⁸⁴.

Антинаучный характер этих попыток убедительно разоблачают честные ученые Америки. Большая заслуга таких ученых как Дженнес, Ликок, Джеймс, Хикерсон и др. в том, что они собрали большой фактический материал, убедительно свидетельствующий, что у алгонкинов Лабрадора, у оджибвеев и других племен охотников и собирателей всюду коллективизм в производстве и распределении, совпадающий с материнско-родовой организацией, предшествует отношениям частной собственности и патриархату. В работах этих ученых бесспорно доказывается, что становление патриархальных норм у этих племен связано с проникновением товарных отношений в их экономику под влиянием европейской пушной торговли. Этим они подрывают основы теории, метко названной С. П. Толстовым «теорией извечного кочевого патриархата»⁸⁵.

Ю. П. Аверкиева

⁸³ Г. В. Плеханов. Искусство и литература, М., 1948, стр. 77—80.

⁸⁴ I. Hallowell, Указ. раб., стр. 238.

⁸⁵ С. П. Толстов, Основные теоретические проблемы современной советской этнографии, «Сов. этнография», 1960, № 6, стр. 17.

Н. Ф. Жиров. *Атлантида*. Географгиз, 1957, 119 стр.

За последние годы на страницах наших газет и журналов наряду с некоторыми другими псевдонаучными «проблемами», неоправданную популярность вновь приобрела проблема Атлантиды. Наиболее видным пропагандистом «атлантологии» в Советском Союзе является Н. Ф. Жиров: он опубликовал несколько статей и даже отдельную книгу, посвященные этой проблеме. В статье «Загадки древних культур»¹ Н. Ф. Жиров берется за решение вопросов происхождения и истории древних народов Америки и их цивилизации, исходя при этом из изложенной им в книге «Атлантида» гипотезы о действительном существовании этой мифической страны о переселении атлантов в Америку как из твердо доказанных фактов. Поэтому для выяснения вопроса излишне будет вернуться к рассмотрению этой книги, хотя она и вышла еще в 1957 г.

В связи с проблемой Атлантиды автор рассматривает множество вопросов. Отдавая должное его широкой эрудиции, нельзя не отметить ряда очень существенных недостатков книги.

Источники, которыми пользуется автор, крайне неравноценны. Н. Ф. Жиров часто ссылается на устаревшие (а иногда и на совершенно фантастические) работы авторов прошлого века и принимает на веру их выводы. Некоторые тексты цитированы в переводах, не выдерживающих никакой критики.

Вопрос о том, существовал ли материк (или остров) в Атлантическом океане, как правильно отмечает Н. Ф. Жиров, относится к области геологии. Общеизвестно, что земная кора может подниматься и опускаться. Вряд ли кто-либо сможет протестовать, если геологи найдут прямые доказательства того, что в Атлантическом океане был материк и что этот материк погиб сравнительно недавно. Однако до сих пор подобных доказательств не обнаружено.

Между тем, Н. Ф. Жиров полагает, что в диалогах Платона «Тимей» и «Критий» описан именно этот предполагаемый материк. Но на основании текста этих диалогов нельзя отождествлять Атлантиду Платона с гипотетическим материком в Атлантическом океане.

Н. Ф. Жиров не дает никакой характеристики диалогам Платона, в которых рассказано об Атлантиде. Между тем, совершенно ясно, что следовало бы начать именно с всестороннего критического изучения этих источников, на которые всецело опираются так называемые атлантологи. Больше того, Н. Ф. Жиров просто дезориентирует несведомых читателей, утверждая, что диалог «Критий» специально посвящен изложению «предания» об Атлантиде (стр. 21), что «предание стало известно Платону от потомков Солона, приходившегося ему родственником по линии матери» (стр. 17), и т. д.

¹ Альманах «На суше и на море», Географгиз, М., 1960.